

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Нурыяхмата Нурыхановича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

4 апреля 2013 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М.Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина Н.Н.Шагиева,

у с т а н о в и л :

1. Приговором Верховного Суда Республики Башкортостан от 29 июня 2005 года гражданин Н.Н.Шагиев был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 33 и пунктами «б», «з» части второй статьи 105 УК Российской Федерации, а именно в подстрекательстве к убийству гражданина Х.Х.Карачурина – прокурора города Сибая Республики Башкортостан, и ему назначено наказание в виде

лишения свободы на срок четырнадцать лет и шесть месяцев. Н.Н.Шагиев вину в инкриминированном деянии не признал и показал, что отношения к нему не имеет. В 2008 году с целью добиться возобновления в порядке главы 49 УПК Российской Федерации производства по его уголовному делу и пересмотра постановленного по делу приговора он обратился с заявлениями в правоохранительные и иные государственные органы, в которых сообщил, что организатором указанного преступления являлся гражданин Р.С.Сарбаев – глава администрации города Сибая Республики Башкортостан (впоследствии ставший премьер-министром Правительства Республики Башкортостан), под влиянием угроз которого он вынужден был согласиться на участие в совершении убийства в качестве подстрекателя вместе с непосредственным исполнителем. Заявления осужденного были рассмотрены, однако изложенные в них сведения о причастности Р.С.Сарбаева к совершению преступления не подтвердились и в возбуждении против него уголовного дела было отказано.

В дальнейшем приговором Басманного районного суда города Москвы от 19 ноября 2010 года, оставленным без изменения кассационным определением Московского городского суда от 30 марта 2011 года, Н.Н.Шагиев признан виновным в заведомо ложном доносе о совершении Р.С.Сарбаевым особо тяжкого преступления, действия виновного квалифицированы по части второй статьи 306 УК Российской Федерации и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок два года. На основании статьи 70 УК Российской Федерации по совокупности приговоров окончательное наказание Н.Н.Шагиеву определено в виде лишения свободы на срок пятнадцать лет.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Н.Н.Шагиев утверждает, что возбуждение в отношении него уголовного дела за то, что он сообщил об обстоятельствах, связанных с преступлением, за которое отбывает наказание, является нарушением гарантированных статьями 45 (часть 2) и 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации права обвиняемого (осужденного) на защиту всеми не запрещенными

законом способами и права на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом. Заявитель просит признать противоречащими названным конституционным нормам положения статьи 306 УК Российской Федерации – во взаимосвязи с положениями пунктов 3 и 21 части четвертой статьи 47, статей 140, 141, 145, 146, пункта 1 части второй статьи 413, части первой статьи 414 и статьи 415 УПК Российской Федерации – в той мере, в какой они могут быть применены к осужденному, отбывающему наказание за совершение преступления на основании вступившего в законную силу приговора суда и сообщившему о причастности к этому преступлению иного лица, ранее не привлекавшегося к ответственности за него.

2. В Российской Федерации как правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; гарантируется государственная, в том числе судебная, защита прав и свобод человека и гражданина, решения и действия (или бездействие) органов государственной власти и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (статьи 1, 2, 17, 18, 45 и 46 Конституции Российской Федерации).

В силу провозглашенных Конституцией Российской Федерации (статья 123, часть 3) принципов состязательности и равноправия сторон, на основе которых осуществляется уголовное судопроизводство, предполагается, что стороны самостоятельно и по собственному усмотрению определяют свою позицию по делу, в том числе в связи с вопросом об уголовной ответственности (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года № 16-П). При этом в целях обеспечения прав и законных интересов таких участников процесса, как обвиняемый и

потерпевший, им должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые они считают необходимыми для ее обоснования. Данное правило находит свое воплощение и в статье 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый, чьи права и свободы нарушены, должен располагать средствами правовой защиты в государственном органе, даже если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П).

Обязанность государства обеспечить осуществление права на справедливую, компетентную и действенную судебную защиту вытекает из общепризнанных принципов и норм международного права, в частности закрепленных в статье 8 Всеобщей декларации прав человека, статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статье 2 Международного пакта о гражданских и политических правах. Правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах. Судебное решение не может быть признано правосудным, а судебная защита – полной и эффективной, если допущена судебная ошибка. Поэтому статья 14 названного Пакта предусматривает, что судебное решение подлежит пересмотру, если какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки (пункт 6). Из статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 2, 15 (часть 4), 17 (части 1 и 2), 18, 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (части 2 и 3), 55 и 56 (часть 3) также следует, что ошибочное судебное решение не может считаться правосудным и государство обязано гарантировать защиту прав и свобод человека и гражданина от судебной ошибки (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 1998 года № 5-П).

Соответственно, законодатель, устанавливая порядок отправления правосудия, обязан предусмотреть механизм (процедуру), обеспечивающий

соблюдение требований, предъявляемых к правосудному – т.е. законному, обоснованному и справедливому – решению по делу, а также исправление ошибок, в том числе на стадии пересмотра судебного решения ввиду вновь открывшихся обстоятельств. В рамках уголовного судопроизводства это предполагает, по меньшей мере, установление обстоятельств происшествия, в связи с которым было возбуждено уголовное дело, его правильную правовую оценку, выявление конкретного вреда, причиненного обществу и отдельным лицам, и действительной степени вины (или невиновности) лица в совершении инкриминируемого деяния (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 года № 18-П, определения от 29 января 2009 года № 46-О-О, от 21 июня 2011 года № 860-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1185-О-О и от 28 июня 2012 года № 1274-О), что возможно лишь на основе проверки и оценки доказательств, отвечающих требованиям относимости, допустимости и достоверности. Только тогда суд может правильно установить, имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, доказано ли, что его совершил подсудимый, является ли это деяние преступлением и какой нормой уголовного закона оно предусмотрено (статьи 73, 74, 85–88 и 299 УПК Российской Федерации); в противном случае ставилась бы под сомнение правосудность решения по делу. Именно поэтому заведомая ложность показаний потерпевшего или свидетеля, заключения эксперта, а равно подложность вещественных доказательств, протоколов следственных и судебных действий и иных документов или заведомая неправильность перевода, повлекшие за собой постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, вынесение незаконного или необоснованного определения или постановления, отнесены к вновь открывшимся обстоятельствам, влекущим отмену вступивших в законную силу приговора, определения и постановления суда, возобновление производства по уголовному делу (часть первая, пункт 1 части второй и пункт 1 части третьей статьи 413 УПК Российской Федерации).

3. В соответствии с Конституцией Российской Федерации все равны перед законом и судом (статья 19, часть 1); достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления (статья 21, часть 1) и данное право не подлежит ограничению (статья 56, часть 3); каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2), не нарушая при этом права и свободы других лиц (статья 17, часть 3); поскольку обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, неустранимые сомнения в его виновности толкуются в его пользу (статья 49, части 2 и 3); никто не обязан свидетельствовать против себя самого (статья 51, часть 1).

Освобождение лица от обязанности давать показания, могущие ухудшить положение его самого или его близких родственников, т.е. наделение этого лица свидетельским иммунитетом, означает недопустимость любой формы принуждения к свидетельству против самого себя или своих близких. Данное право должно обеспечиваться на любой стадии уголовного судопроизводства и предполагает, что лицо может отказаться не только от дачи показаний, но и от представления других доказательств, подтверждающих его виновность в совершении преступления. Запрет обязывать лицо, обладающее свидетельским иммунитетом, давать показания относительно обстоятельств дела не исключает, однако, его право представить соответствующие сведения в случае, если оно на это согласно (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2012 года № 274-О-О).

Вместе с тем наделение гражданина правом представлять доказательства в свою защиту от подозрения или обвинения в совершении преступления не означает возможности его реализации незаконными, в том числе преступными, средствами. Обвиняемый вправе в целях своей защиты либо хранить молчание, либо давать показания таким образом, чтобы с очевидностью не нарушать права других лиц, не прибегать к запрещенным законом способам защиты.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 15 января 1999 года № 1-П, любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия. Тем самым в случае заведомо ложного доноса о совершении преступления виновный посягает не только на интересы правосудия, но и на права личности, умаляя ее достоинство. Следовательно, такие действия лица, хотя и предпринятые в качестве инструмента своей защиты, не могут рассматриваться как допустимые, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, согласно которому обвиняемый вправе защищаться средствами и способами, не запрещенными данным Кодексом, возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний (пункты 3 и 21 части четвертой статьи 47), а также противоречат положениям статей 17 (часть 3) и 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Устанавливая ответственность за заведомо ложный донос, государство исполняет свою конституционную обязанность защищать достоинство человека, его права и свободы, обеспечивать права потерпевших от преступления и компенсацию причиненного им ущерба, а также гарантировать надлежащий порядок осуществления правосудия (статья 2; статья 21, часть 1; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52; статья 118, часть 1; статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации) (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2012 года № 1818-О).

4. Таким образом, не могут расцениваться в качестве нарушающих конституционные права заявителя положения статьи 306 УК Российской Федерации – как сами по себе, так и во взаимосвязи с нормами пунктов 3 и 21 части четвертой статьи 47, статей 140, 141, 145, 146, пункта 1 части второй статьи 413, части первой статьи 414 и статьи 415 УПК Российской Федерации, регламентирующими порядок уголовного судопроизводства и не

определяющими преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия, отнесенные к сфере регулирования материального закона (статья 3 УК Российской Федерации).

Как усматривается из жалобы, заявитель выражает несогласие с содержащимся в приговоре Басманного районного суда города Москвы от 19 ноября 2010 года и основанным на исследованных фактических обстоятельствах выводом о том, что его действия нельзя признать способом защиты от предъявленного обвинения, поскольку они прямо запрещены законом. Между тем исследование фактических обстоятельств конкретного дела и выяснение, соответствуют ли им выводы суда, не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, определенную статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». Именно суды общей юрисдикции на основе анализа всех собранных доказательств вправе устанавливать, служат ли сообщаемые осужденным сведения средством защиты своих интересов, не содержат ли они признаков оговора или доноса, являются ли заведомо ложными или связаны с субъективным либо объективным заблуждением осужденного, не находятся ли в причинно-следственной связи с примененным к нему насилием, – имея при этом в виду, что принятые органами предварительного расследования решения об отказе в возбуждении уголовного дела по обстоятельствам, изложенным в такого рода сообщениях, могут быть обусловлены невозможностью доскональной проверки соответствующих сведений по ряду причин, в том числе в связи с истечением времени, утратой доказательств и т.п.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Нурыяхмата Нурыхановича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

№ 661-О

В.Д.Зорькин